

СТИХИ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО В ПЕРЕВОДАХ

Белорусский язык

Переводы Насты Кудасовой

***

Это ложь, что Господь не допустит к Престолу собаку, —
Он допустит собаку и даже прогонит апостола:
— Надоел ты мне, лысый, со всею своею ватагой,
Убери свою бороду, место наследует пес твое...

Ох, хитер ты, мужик, присоседился к Богу издревле,
Раскорячил ступни да храпишь на целительном воздухе,
А апостол Полкан исходил все на свете деревни,
След выискивал мой и не мыслил, усталый, об отдыхе.

А апостол Полкан не щадил для святыни усилий,
На пригорке сидел да выщелкивал войско блошиное,
А его в деревнях и камнями и палками били —
Был побит мой апостол неверующими мужчинами...

А апостол Полкан и по зною скитался, и в стужу,
И его кипятком обварила старуха за банею,
И когда он, скуля, матерился и в бога и в душу —
Он на матерный лай все собачьи имел основания...

Подойди-ка, Полкан, вон как шерсть извалялась на псине,
Не побрезгуй моею небесно-крестьянскою хатою,
Рад и вправду я, Бог, не людской, а собачьей святине,
Даже пахнет по-свойски — родное, блажное, лохматое... 1980

***

Хто сказаў, быццам Госпад не пусціць да Трона сабаку?
Не, ён пусціць сабаку і нават прагоніць апостала:
— Надакучыў ты, лысы, мне разам з усім вашым статкам,
Прыбярэ бараду сваю, месца наследуе пёс тваё...

Ох і хітры ж мужык ты, да Бога здавён прысуседзіў
 Ды храпеш на гаючым паветры, шчасліва здарожаны,
 А апостал Палкан абышоў усе вёскі на свеце,
 След вышукваў мой і не прасіў адпачынку ў зняможанні.

А апостал Палкан для святыні не шкадаваў сілаў,
 На пагорку сядаў ды выпстрыкваў атрады блышыныя,
 А па вёсках яго і каменнем і палкамі білі —
 Быў апостал мой біты нявернікамі-мужчынамі...

А апостал Палкан быў блукальцам і ў сцюжу, і ў спёку,
 Быў за лазняй абданы бязлітасна юшкай гарачаю,
 І калі ён аблаяў аднойчы ці лёс свой, ці Бога —
 Ён на лаянку меў, безумоўна, падставы сабачыя...

Падыдзі ж, мой Палкане, вунь поўсць як аблезла на поіне,
 Не пагрэбуй маёю нябесна-сялянскаю хатаю,
 Рады я, далібог, не людской, а сабачай святыні,
 Нават пахне па-свойску — жывое, блазное, калматае...

***

Вот и вышла из смерти неслышно монашенка-кошка,
 Та, что в келье-клетушке несет монастырскую службу...
 На груди у нее не простое — святое лукошко, —
 Собирает она милосердьё людское и дружбу.

И мою она душу берет в осторожные лапки,
 И обнюхивает, шевеля осторожно ушами,
 И, о чем-то мяуча, куда-то по тропке, по травке
 Убегает она, и вприпрыжку бежит небесами.

Может, Господу Богу мою она душу покажет,
 Просветленное личико лапкой-слюною омоет,
 И стоять будет чутко она у Престола на страже,
 Пока будет Господь любоваться бродяжкою мною.

Я из братии меньшей, из самых, из самых убогих,
 Не имел я ни дома, ни дыма, одни лишь заплаты,
 Но зато я прослыл чудодеем у четвероногих,
 Но зато прикасался руками к полету пернатых.

Ибо слово мое полыхало в устах, как зарница,
Ибо слово мое было словом о Боге и вере —
И поэтому слово крылатое видела птица,
И поэтому слову внимали доверчиво звери. 1984

***

Вось і выйшла нячутна са смерці манашка-кошка,
Што ў каморцы-келлі заўжды за святлом цікуе...
На грудзях у яе не звычайны — святарны кошкы, —
Там яна збірае цяпло й дабрыню людскую.

І маю душу яна возьме пяшчотна ў лапкі,
Пакачае ў траве, потым чмыхне ружовым носам,
Нешта мяўкне сваё ды, схапіўшы душу ў ахапак,
Пабязжыць вясёлым подскакам у нябёсы.

Можа быць, яна Госпаду Богу яе пакажа
Ды, прасветлена вымыўшы лапкай цудоўны тварык,
Ля Гасподняга Трона ціхмянай аховай ляжа,
Покуль Бог налюбецца мною — такім няздарам...

Я з братэрства найменшых, я з самых, з самых убогіх,
Я ні дома, ні дыма не меў, толькі рвань ды латкі.
Але я чарадзеем славіўся ў чатырохногіх
І я мог рукамі пакратаць палёт крылатых.

Але слова маё вольны вецер у дрэвах гушкаў,
Тое слова было словам Бога і словам веры —
І было яно расчытанае простаю птушкай,
І было яно пачутае шчырым зверам.

***

Я поверю, что мёртвых хоронят, хоть это нелепо,
Я поверю, что жалкие кости истлеют во мгле,
Но глаза — голубые и карие отблески неба,
Разве можно поверить, что небо хоронят в земле?..

Было небо тех глаз грозовым или было безбурным,
Было радугой-небом или горемычным дождём, —
Но оно было небом, глазами, слезами — не урной,
И не верится мне, что я только на гибель рождён!..

...Я раскрою глаза из могильного тёмного склепа,
 Ах, как дорог ей свет, как по небу душа извелась, —
 И струится в глаза мои мёртвые вечное небо,
 И блуждает на небе огонь моих плачущих глаз... 1981

***

Я паверу, што мёртвых хаваюць, хоць гэта і дзіка,
 Я паверу, што цела сатлее ў зямлі спакваля,
 Але вочы, блакітныя вочы, нябесныя блікі!
 Хіба можна паверыць, што неба схавае зямля?..

Ці ласкавым было тое неба, ці несла пагрозу,
 Ці вясёлкаю ззяла, ці секла няшчадна вадой, —
 Але гэта было маё неба — вачэй маіх слёзы,
 І не верыцца мне, што я жыў дзеля смерці адной!..

...Я расплюшчу стамлёныя вочы з магільнага склепа,
 Ах, як хочацца неба, як доўга святла я прасіў, —
 І пальецца мне ў мёртвыя вочы бясконцае неба,
 І агнём маіх слёз запалае нябесная сіль...

***

Даже звери пушистохвостые
 Научились вослед за мной
 Говорить просветленно «Господи»
 И покой обретать земной.

Даже звери при малом разуме
 Говорили: — Отец-Христос,
 Мы тебе лишь, Христу, обязаны
 Тем, что есть и душа, и хвост...

Позови нас в Христово царствие
 На прощенной твоей Руси
 И прими, Христос, благодарствие
 От неназванных малых сих... 1993

***

І звяры пушыстахвостыя
 Палюбілі ўслед за мной
 Паўгараць натхнёна: “Госпадзе”
 Ды люляць зямны спакой.
 І звяры з мальбой звярынаю
 Так казалі: — О, Хрыстос,
 Аднаму табе мы вінныя,
 Ты нам даў душу і хвост...

Дык вазьмі ж у Царства Божае
 Нас, малых тваіх дзяцей.
 Бачыш колькі веры ў кожнага!
 Колькі ўдзячнасці ў хвасце...

Украинский язык

«Він слухом був і сновидінням плинним...»

Летом 2021 года в киевском издательстве «Дух і Літера» увидела свет книга переводов стихотворений Вениамина Блаженного на украинский язык «Світло мандрів і розлуки». Переводчики — Юлия Шекет, Наталья Бельченко и Ия Кива. Предисловие написал Дмитрий Строчев.

Заголовок этого текста — строчка из стихотворения о Боге, но то же самое можно сказать о самом поэте Вениамине Блаженном. И он не устает напоминать нам о Господнем милосердии, которое — во всем: *«Милосердя зорі та лози виноградної, / Та грайливої хвилі в піску невагомої, / Милосердя пташини — душі безпорадної, / У блакитному вирії стрімко зникомої...»* (пер. Юлии Шекет).

Некоторые черты поэтического мышления Вениамина Блаженного имеют соответствия в традиции украинской поэзии XX века, такова, например, переключка

с образным взглядом Богдана-Игоря Антоныча (1909–1937). Антоныч говорил о себе в стихах: «я все — п'аний дїтвак із сонцем у кишені» или «Захоплений дїтвак, / захоплений красою, / один із тих бурлак, / які живуть рососою». А вот слова Блаженного: *«Боже, я згоден на долю малої блощиці, / Тільки би божого світу торкатись ледь чутно, / Чути зітхання землі, і травиці, і глиці...»* (пер. Юлии Шекет). Антоныч же, называвший себя язычником, писал: «Антонич був хрусцем і жив колись на вишнях, / на вишнях тих, що їх оспівував Шевченко».

Поскольку одна из основополагающих тем Вениамина Блаженного — тема смерти, в книге обширно представлены его стихотворения, посвященные феномену смерти, ушедшим родителям. У смерти много ипостасей, одна из них — быть в руках Бога игрушкой, даваемой детям, коими являются для него люди: *«— Дай мені кораблик смерті / Білий!»* (пер. Ии Кивы). Но какой же Танатос без Эроса? И в откровенном исследовании аспектов любви этот поэт неподражаем. Таково стихотворение «Кохання» 1948 года в переводе Ии Кивы. *«Усій природі була зрозуміла мова жінки, що хоче, / Жеребець покривав кобилу, / Кобила розуміла Анну повніше, ніж Крейцерова соната»,* — много ли можно вспомнить авторов, писавших подобным образом в 1948 году? Мне пришло в голову только стихотворение Павла Васильева 1934-го «Стихи в честь Натальи» со строчками «Славно все цветы на одеяле, / Долгий стон, короткий сон Натальи...» Если не принимать во внимание произведения, приведенные в 11 номере «Литературного обозрения» 1991 года.

Находки Блаженного порой вызывают одновременно омерзение и восхищение. Отношение поэта к женщине заслуживает отдельного исследования: иногда ей достается почти как в средневековье — за соблазнение, сама же она — из категории кошек, птиц и сверчков (а как известно, животных Блаженный предпочитает сонму ангелов, будучи готовым читать стихи в обществе трех кошек). Но чаще всего это — связь равных: *«Маленький клаттик порядності. / Жінка могла би прикрити ним тільки верхню частину піхви. / А чоловік — ще менше...»* (пер. Натальи Бельченко).

В близких отношениях Вениамин Блаженный и с областью метафизического, но без излишнего амикошонства. И это особенно располагает к нему. *«А хіба ви знаєте, чим мене годувати, чим поїти, / Раптом я їм лише зірки та п'ю материні сльози...»* (пер. Наталья Бельченко). Общением с душами умерших инспирированы многие стихи поэта. Бога он тоже максимально приблизил и, не умаляя величия, наделил доступными человеку свойствами: *«Він волоцюжка вічний і жалобний, / І не радіє власній грішній славі»* (пер. Юлии Шекет). Тема еврейства в этих стихах неизбежно выводит к теме концлагерей, гетто и Бабьего Яра. Вениамин Блаженный прожил намного дольше Богдана-Игоря Антоныча и имел право сказать: *«— Я наляканий всесвіт, піщаника предвічного страху...»* (пер. Юлии Шекет).

Переводчица Юлия Шекет написала в послесловии: «Для Блаженного суть життя — розлука». Я согласна с ней, что «Блаженного важко читати (перекладати поготів) — не так у технічній, як у моральній сенсі». Стихотворения в книге сгруппированы в разделы, заголовки и подзаголовки которых тоже немало говорят о поэте и персонажах его лирики: «Повернутися мрію...», «Вічний хлопчик», «Так чутно голоси їх неземні...», «Розсипається тіло на частки душі...», «Збережи далечинь».

Наталья Бельченко, Киев

Переводы Натальи Бельченко

***

Это меня, самое хрупкое в мире существо,
Хотите вы заточить в клетку, прикрепить инвентарный
номер...

А вы разве знаете, чем меня кормить, чем меня поить,
Может быть, я ем только звезды и пью материнские слезы,
К тому же вы меня не дотащите до вашей клетки,
Я расту в ваших руках, как легкое облако,
Как трупик бабочки-однодневки. 1992

***

Це мене, найтендітнішу істоту на світі,
Хочете ви запроторити до клітки, почепити інвентарний
номер...

А хіба ви знаєте, чим мене годувати, чим мене поїти,
Раптом я їм лише зірки та п'ю материні сльози,
Крім того, ви не дотягнете мене до вашої клітки,
Я розтану в ваших руках, як легка хмаринка,
Як трупик метелика-одноденки.

***

Я не совсем уверен,
Что тебе нужны были твои пышные плечи,
Грудь, поднимавшаяся от вздохов,
Густая корона волос.

Когда все это изрядно поизносилось и досталось могильщикам,
На кладбище осталась счастливая девочка,
Вот она перескакивает с одного могильного холмика да другой,
В руке ее легкий сачок,
Она ловит бабочек, лето, смерть. 1990

***

Я не впевнений цілковито,
Що тобі потрібні були твої розкішні плечі,
Груди, які піднімалися від зітхань,
Густа корона волосся.

Коли все це як слід підтопталоя та дісталоя гробарям,
 На кладовищі залишилася щаслива дівчинка,
 Ось вона перестрибує з одного могильного горбика на інший,
 В її руці легкий сачок,
 Вона ловить метеликів, літо, смерть.

Переводы Ии Кивы

Добрые мертвецы

Тихо в комнате.
 Так тихо,
 Словно мертвецы договорились о молчанье
 — И молчат,
 Зевая.
 — Щелкают длинные зубы. —

Капля из крана
 Словно девочка,
 Ступившая каблучком на звонкую ступень.

Дрема приходит —
 Большой слон,
 В вазелине
 Нежного сырого тепла...

Голова кружится...

Быстрый стук,
 Словно девочка
 Поскользнувшаяся на ступени...

Девочка, где ты?..
 .....

Сижу,
 Забытый тиком
 Негритянского неистовства...

Сквозь меня,
 Сквозь стены и мир
 Проникает струя
 Голубого Безмолвья. 1940

Добрі мертві

Тихо в кімнаті.
Так тихо,
Немов мертві змовились про мовчання.
— І мовчать,
Позіхаючи.
— Клацають довгі зуби. —

Крапля з-під крана
Як дівчинка,
Що підбором торкнулась дзвінкої сходинокки.

Дрімота надходить —
Величезний слон
У вазеліні
Ніжного глевкого тепла...

Паморочиться в голові...

Стукіт швидкий,
Немов дівчинка
Яка послизнулась на сходинокці...

Дівчинко, де ти?..

.....

Сиджу,
Забутий тиком
Негритянської несамовитості...

Крізь мене
Крізь стіни і світ
Цівка проходить
Блакитного Безгоміння.

Любовь

Чресла мои не бесплодны,
Орган любви работает безотказно,
Работает, — пишу я,
Ибо утолить женщину — это тоже работа,
Приятная, грубая, божественная работа,
Мужчина и женщина принимают в ней равное участие,
— Ни с кем не сравнимая Анна принималась за работу
с ни с чем не сравнимым азартом,
За тысячу верст чуяла она мое хотенье,
Сбрасывала юбку, быстро ложилась

Ибо она хотела.

«Я хочу!» — говорила Анна,
Птицы щебетали за окном: Анна хочет!
Ветки говорили цветам: Анна хочет!
Ветер ворошил рябь реки: Анна хочет!
Всей природе был понятен язык женщины, которая хочет,
Жеребец покрывал кобылу,
Кобыла понимала Анну полнее, чем Крейцерова соната.
Так насыщали мы друг друга.

Едва принималась Анна за самую приятную работу
(Едва принимался я за самую приятную работу),
Едва принимались мы, я и Анна, за самую приятную работу —
В мире начинались великие преобразования,
Рожденье перевешивало смерть,
Учащались цветенья, волненья, стихотворенья,
А когда Анна говорила: «Знаешь, сегодня — особенно хорошо»,
Это пахло победой плоти — и нашей обоюдной гениальностью
(— Это пахло гениально —)

После совокупленья Анна играла на рояле (воображаемом)
легкую музыку утоленья.

Я следил за игрой ее тела и думал:
Орган любви — это тоже музыкальное произведение,
Пригодное для исполнения на широко популярном женском
инструменте.

— Чресла твои не бесплодны
(Так барабанила Анна на рояле),
— Орган любви работает безотказно,
— Божественная работа,
— Мужчина и женщина принимают в ней равное участие.

Жеребец утолил горячку желанья,
Животные утомились божественной работой,
Они возвращались одним путем
(Зовите Природой — зовите Любовью),
Могучий круп жеребца нервно подрагивал,
Все кругом пахло музыкой.

Пели цветы.
Пела река.

Все это пахло гениально. 1948

Кохання

Крижі мої не ялові,
Орган кохання безвідмовно працює,
Працює, — так я пишу,
Адже задовольнити жінку — це також робота,
Приємна, груба, божественна праця,
Чоловік і жінка беруть у ній рівну участь.
— Ні з ким незрівнянна Анна взялась до роботи
з завзяттям ні з чим незрівнянним,
За тисячу верств вона чула моє хотіння,
Скидала спідницю, швидко лягала

.....
Адже вона хотіла.

«Я хочу!» — Анна казала,
Птахи за вікном щебетали: Анна хоче!
Віти квіткам казали: Анна хоче!
Вітер куйовдить брижі річки: Анна хоче!
Усій природі була зрозуміла мова жінки, що хоче,
Жеребець покривав кобилу,
Кобила розуміла Анну повніше, ніж Крейцерова соната.
Так ми насичували одне одного.

Тільки-но Анна бралася до найприємнішої роботи
(Тільки-но я брався до найприємнішої роботи),
Тільки-но бралися ми, я і Анна, до найприємнішої роботи —
У світі починалися великі перетворення,
Народження переважало смерть,
Частішали розцвітання, хвилювання, віршування,
А коли Анна казала: «Знаєш, сьогодні — по-особливому
добре»,
Це пахло перемогою плоті — і нашою спільною геніальністю
(– Це пахло геніально –)

Після злягання Анна грала на роялі уявному легку музику
задоволення.

Я слідкував за грою її тіла і думав:
Орган кохання — це також музичний твір,
Який годиться до виконання на широко популярному
жіночому інструменті.

— Крижі твої не ялові
(Так барабанила Анна на роялі),
— Орган кохання безвідмовно працює,
— Божественна праця,
— Чоловік і жінка беруть у ній рівну участь.

Жеребець вгамував лихоманку бажання,
Тварини втомилися від божественної роботи,
Вони вергались однією дорогою
(Звіть це Природою — звіть це Коханням),
Могутній круп жеребця нервово здригався,
Усе довкола пахло музикою.

Співали квіти.
Співала річка.

Усе це пахло геніально.

Переводы Юлии Шекет

***

Только миг мы живем на земле этой странной,
Даже тот, кто ютился в лачуге заброшенной,
Уплывает однажды в далекие страны
И качается в лодке один-одинешенек.

Эта лодка сколочена наспех и грубо,
Шесть досок да покраска — и всё тут изделие,
Но ее не страшат океанские глубины
И причалит она за далекими землями.

И Господь — он окликнет ее на причале:
— Кто там в лодке лежит в беспробудном унынии?..
Отрешись, мой дружок, от загробной печали
И вдохни милосердное, вечное, синее...

Милосердие звезд, милосердие полночи,
Милосердие плеска волны убывающей,
Милосердие птицы почти что беспомощной,
В беспредельную синюю даль улетающей... 1993

***

Тільки мить живемо в цьому дивному світі,
Навіть той, хто тулився в халупі закиненій,
Напинає вітрило, щоб із вітром летіти,
І той човен прямує у простір прочинений.

В ньому зяють шпарини в бортах і шербини,
Шість дощечок і фарба — всі викрути виробу,
Та його не лякають бездонні глибини,
Він за дальніми землями вирине, вигребе.

І до нього озветься Господь на причалі:
— Хто там тягне важезність гризоти нестерпної?
Виривайся, мій друже, з полону печалі,
Сині прірви блакиті навкіл милосердної!..

Милосердя зорі та лози виноградної
 І грайливої хвилі в піску невагомої,
 Милосердя пташини — душі безпорадної,
 У блакитному вирії стрімко зникомої...

***

— Мы здесь, — говорят мне скользнувшие легкою тенью
 Туда, где колышутся легкие тени, как перья, —
 Теперь мы виденья, теперь мы порою растений
 И дикие звери, и в чаше лесные деревья.

— Я здесь, — говорит мне какой-то неведомый предок,
 Какой-то скиталец безлюдных просторов России, —
 Ведь всё, что живущим сказать я хотел напоследок,
 Теперь говорят за меня беспокойные листья осины.

— Мы вместе с тобою, — твердят мне ушедшие в камень,
 Ушедшие в корни, ушедшие в выси и недра, —
 Ты можешь ушедших потрогать своими руками, —
 И грозы и дождь на тебя опрокинутся щедро...

— Никто не ушел, не оставив следа во вселенной,
 Порою он тверже гранита, порою он зыбок,
 И все мы в какой-то отчизне живем сокровенной,
 И все мы плывем в полутьме косяками, как рыбы...

***

— Ми тут, — мені мовлять всі ті, хто мов тіні-краплини
 Упав до тіней, що хитаються в тиші, як пір'я, —
 Тепер ми билини, а часом тепер ми рослини,
 Ми дика звірина, дерева в імлі надвечір'я.

— Я тут, — мені мовить мій предок, а нині серпанок,
 Бурлака країни, де всяка дорога терниста, —
 Бо все, що хотів я сказати живим наостанок,
 Тепер перекаже тривожне осикове листя.

— Ми разом з тобою, — проказують зниклі у камінь,
 Пройшовши в коріння і надра, просотавши висі, —
 Ти можеш торкнутися тих, хто щезає, руками,
 І грози на тебе накопляться щедро, мов вісті...

— Ніхто не пішов, не лишаючи сліду по тризні,
Він часом ледь чутний, а часом незрушний мов глиба,
Ми всі живемо в сокровенній таємній вітчизні,
Ми всі пливемо табунцями у тьмі, ніби риби.

***

Безветрие в мои да увидет паруса.
Я больше не пловец. Я плавал много суток,
Я плавал много лет — и слышал голоса
И духов, и сирен — и потерял рассудок.

Меня переполнял простор летящих волн,
Как будто синева играла в чёт и нечет...
Я по морским валам перебежал, как волк,
Чтобы мой парус шторм не опалил картечью.

Но знал я и тогда, что есть такой залив,
Где паруса висят, как старческие руки,
И только синий свет мерещится вдали,
Неизречённый свет скитанья и разлуки. 1983

***

Безвітря, у мої вітрила увійди.
Я більше не пловець. Я в морі в штиль і в грози
Багато років плив — і чув серед води
Сирен солодкий спів — і втратив хворий розум.

І сповнював мене летючий простір хвиль,
Так ніби синь навколо грала в чіт і лишку,
Я ними мчав мов вовк, і разом з вітром вив,
І була блискавка в хитку маячну вишку.

Та знав я і тоді, що є такий затон,
Де виснуть паруси, немов старечі руки,
І тільки синя даль, безмежний синій тон,
Те невимовне світло мандрів і розлуки.

Итальянский язык

Перевод Майи Головановой

Маленькая кошка

Мы все любили маленькую кошку,
ибо кошка жила в мире чудес:
то, что для нас было миром,
было для нее подушкой и ковриком,
а на подушке и коврик
никто не станет играть со смертью.

Солнечный лучик

интересовал ее не меньше, чем астронома,
но, вопреки всем научным теориям,
она не уступала ему приоритета:
— Сначала луч, потом кошка.

Нет, сначала кошка, потом луч.

Вот почему она была по лучу

капризной лапкой,

чего, конечно, не станет делать ни астроном,
ни я, ни вы.

Если бы маленькая кошка

знала хоть сотую долю того, что знаем мы

(я и вы),

она превратилась бы в страшного тигра,
стерегущего свой помет.

Но она убирала помет с невинной сосредоточенностью,
между тем как глаза ее следили за

летающей паутинкой —

и отыскивали у ней хвост.

Не знаю, чем казались ей люди.

Может, деревьями,

может, морем;

Хотя она и не видела моря.

Когда я садился есть, шевеля губами,

она видела что-то, чего не видел я:

большие сосцы воздуха.

Поэтому она присоединялась к трапезе.

После еды она умывалась; ритуал обновления.

В пустоте неожиданной смерти
она ощутила все, что ощущаем мы:
неудобство слишком большого тела,
жесткий колючий воздух,
вес и размер предметов.
И их враждебность.

В глазах ее, мучительно слепнувших от света,
громоздились огромные небоскребы —
и она жалобно мяукала:
погасите свет.

Ибо темнота возвращала ей неведение.

Умирая,
она на мгновение постигла связь
между мраком и светом, теплом
и холодом, жизнью и смертью.

Маленькая мертвая кошка.

Смерть снова отступила от нас (от меня
и от вас), но, отступая, унесла маленькое
безжизненное окровавленное тельце.

— И я обвиняю во всем этажи.

...О этажи —

тяжелые,
серые,
каменные этажи,
раздавившие кошку... 1964

La piccola gatta

Adoravamo tutti la piccola gatta,
perché la gatta viveva nel mondo delle meraviglie:
ciò che per noi era il mondo,
per lei erano il cuscino e lo zerbino,
e sul cuscino e sullo zerbino
nessuno si sarebbe messo a giocare con la morte.

Un raggio di sole

la interessava quanto un astronomo,
ma, contrariamente a tutte le teorie scientifiche,
lei non gli concedeva nessuna priorità:

— Prima il raggio, poi la gatta.

No, prima la gatta, poi il raggio.

Ecco perché batteva sul raggio
con la zampina capricciosa,
ciò che, ovviamente, non avrebbe fatto né l'astronomo,
né io, né voi.

Se la piccola gatta
avesse saputo almeno una briciola di quel che sappiamo noi
(io e voi),

si sarebbe trasformata in una tigre feroce,
che custodisce il proprio sterco.

Ma essa ricopriva lo sterco con una concentrazione innocente,
mentre i suoi occhi seguivano
una ragnatela volante
e cercavano di trovarne la coda.

Non saprei che cosa le sembrassero gli umani.

Forse alberi,

forse mare;

Malgrado non avesse visto il mare.

Quando mi mettevo a mangiare, muovendo le labbra,
lei vedeva qualcosa, che io non vedevo:

i grandi capezzoli dell'aria.

Perciò si univa al desinare.

Dopo il pasto faceva la toeletta; il rituale del rinnovo.

Nel vuoto di una morte inattesa
lei provò tutto ciò che proviamo noi:
l'imbarazzo del corpo troppo grande,
l'aria ruvida e pungente,
il peso e le dimensioni degli oggetti.

E la loro ostilità.

Nei suoi occhi, accecati da una luce massacrante,
si ammucchiavano grattacieli enormi —
e lei miagolava pregando:
spegnete la luce.

Giacché il buio le restituiva incoscienza.

Morendo,
per un attimo conobbe il nesso
tra il buio e la luce, il calore
e il freddo, la vita e la morte.
Una piccola gatta morta.

La morte di nuovo non ci toccò (me
e voi), ma indietreggiando portò con sé il piccolo
corpicino sanguinante senza vita.

E di tutto io incolpo i pianerottoli.

...Oh, pianerottoli —
pesanti,
grigi,
monolitici pianerottoli,
che schiacciarono la gatta...

Английский язык

Переводы Яна Пробштейна

***

После смерти я выбрал лицо
Всезнающего пожилого мужчины.

В действительности я ничего не знал,
Ничего не помнил.
Может быть, до смерти я жил в подворотне
И меня называли Шариком.
Мне нравилось мое веселое имя
И я отвечал на него звонким лаем.

Мне нравились сырые запахи подворотни,
Кошки и голуби.

Порою в сырой угол ворот
Мочились мужчины,
Тяжело кряхтя,
Как перегруженные мыслями философы.

Реже — женщины.

Женщины меня будоражили.
Я угадывал в них скрытую шерсть
Любовных драк,
Когда шерсть зарывается в шерсть,
А женщина выпускает когти
И когтит простодушный загривок
Какого-нибудь двуногого Шарика.
Шарики (двуногие) слегка повизгивали
Или показывали клыки.
Женщины оказывались в опасности.

Итак, я выбрал лицо, вернее, маску
Всезнающего пожилого мужчины.
Я удобно выглядываю из укрытий книжных полок
И иногда извергаю стихи —
Бесплодное семя старика,
Кажущееся перистым облаком.

И все-таки мне больше нравилось
Быть Шариком и вылавливать блох, —
Они ведут себя в укромных местах
Менее опасно, чем женщины.

(Женщин иногда называют суками —
Какой тягучий запах в этом слове!..)

Что же касается книжных полок
и прочей непонятной дребедени,
То однажды во сне изорвал я одну —
самую толстую — книгу
И единственный сохранившийся лист
Принес в зубах кошке.

Кошки тоже занятые существа
с дымчатыми хвостами.

И не все они женщины. 1985.

***

After death I've chosen the face
Of an all-knowing middle-aged man.

In reality, I didn't know anything,
Remembered nothing.
Perhaps, I was a stray dog before I died,
And my name was Charlie.
I liked my jolly name
and responded to it with a resonant barking.

I liked damp smells of the gutter,
cats and pigeons.

Sometimes, in a damp corner of the gate
men peed,
groaning heavily,
like philosophers overburdened with thought.

Women more rarely.

Women agitated me.
I foresaw a hidden fur
of lovers' fights in them,
when fur rubs into fur,
and a woman draws out her claws
and drives them in a simpleton's scruff
of a two-legged Charlie.
Charlies (two-legged) were slightly whining
or showed their fangs.
Then women were in danger.

So, I've chosen a face, or rather, a mask
Of an all-knowing middle-aged man.
I look out comfortably from the shelter of bookshelves
and sometimes erupt poems —
an infertile seed of an old man
which looks like a feather-like cloud.

Yet, I preferred
to be Charlie and catch fleas
that behave less dangerously
in intimate places than women.

(Women are sometimes called bitches —
Such a smelly viscous word!..)

As for bookshelves and other unknown trifles,
I once tore one, the thickest book,
and brought in my teeth
the only surviving page to a cat.

Cats are amusing creatures with smoky tails.

And not all of them are women.

***

Этой ночью и я забреду в никуда,
В ту страну, где созвездья не знают о странах,
И за мною пройдут, не оставив следа,
Моих тысячи дней и ночей безымянных.

Как легко очутиться в такой пустоте,
Где ни взора зверей, где ни птичьего взора,
И струится дымок отлетевших страстей
На просторе загадочного простора.

Этой ночью я буду какой-то звездой,
Затерявшейся в жидких пространствах вселенной,
Или буду невзрачной букашкой седой,
Что у Бога сидит на дремотных коленях. 1995

***

I will wander nowhere this night, and I'll come to a land
Where the stars are unaware of borders and states,
And thousands of my nameless nights and days
Will follow me without leaving a trace.

It's so easy to come to such a void
With no sight of a beast or a bird,
While a smoke of passions that passed away
Flows in the vast expanse of mysterious space.

This night, I will turn into a star
Lost in the wild space of the universe,
Or else I'll become a humble grey bug
Sitting on a sleepy knee of God.

***

— Здравствуй, мама! — скажу я спустя полстолетья, —
 Вот мы снова с тобою сидим-говорим,
 И прекрасно пристроены все твои дети,
 Кто в раю, кто в аду, только каждый незрим.

И никто о незримых не вспомнит, не просит,
 Каково им теперь без родного лица...
 Может быть, стал травой Прекрасный Иосиф
 И пасется на травушке свежей овца. 1993

***

Hi mom, I will say half a century later.
 Here we are sitting and talking again.
 All your children are settled just fine, can't be better:
 Some in hell, some in heaven, but each is unseen.

No one will recollect the unseen — won't even ask
 How do they feel without their dear faces?
 Maybe Handsome Joseph himself turned into grass,
 Isn't he among sheep on that meadow grazes?

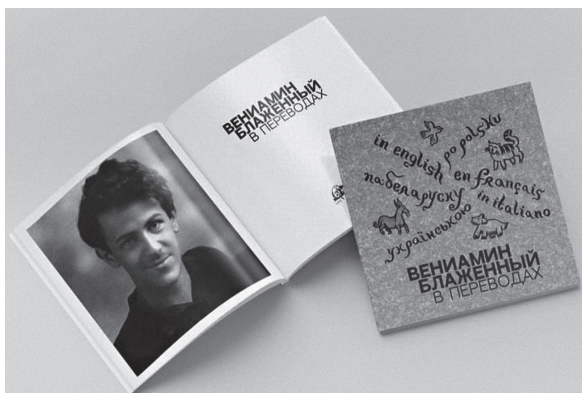

Фото со страницы Д. Строцева в Facebook